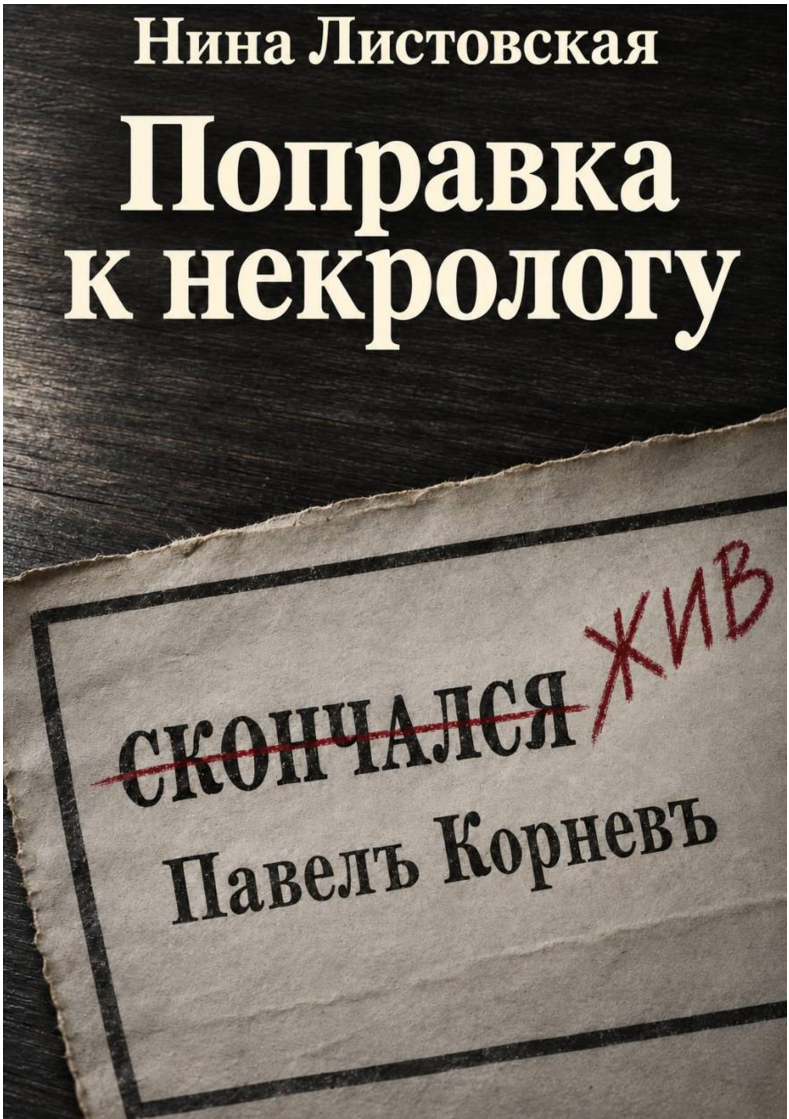
Нина Листовская

Поправка к некрологу

Нина Листовская

Поправка к некрологу

https://litres.ru/74819652
SelfPub; 2026

Аннотация

Вечером в редакцию приходит Павел Корнев. В руках у него свежий оттиск газеты с извещением о собственной смерти. Завтрашний номер первой откроет его старшая дочь и, как всегда, станет читать младшим вслух. Корректор Анна Сергеевна снимает четыре строки с полосы и своей подписью ручается за исправление.

Утром некролог всё-таки выходит. А самого Корнева ночью нашли мёртвым в канале у фабричной прачечной.

По конторской книге за извещение заплатила его жена. Вдова утверждает, что подавала объявление о продаже пианино. До завтра Анне нужно составить опровержение. Пока у неё есть номер заказа, разорванный листок и три слова, которым в траурном извещении взяться решительно неоткуда: «Одна ножка короче».

Содержание

1. Два мешка 4
2. Заказ сорок два 7
3. Ножка 9
4. Двадцать три рубля 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Нина Листовская
Поправка к некрологу

1. Два мешка

В заметке о краже со склада было семнадцать мешков в начале и девятнадцать в конце. Анна отнесла лист Сазонову. Тот так и остался сидеть с недочищенной грушей в руке.

— Семнадцать пропали, девятнадцать полиция вернула, — сказала она. — Чьи ещё два?

— Фамилию управляющего вы проверили?

— Савельев.

— Вот и славно, Анна Сергеевна. Остальное я сам узнаю.

Он взял пальто. Кожура груши свесилась из блюдца едва ли не до полу. Через четверть часа Сазонов велел по телефону снять заметку: со склада пропали семнадцать мешков муки, в полиции к ним прибавили два пустых. Анна вычеркнула заголовок. Никто, кроме управляющего, не должен был узнать, что в завтрашней газете он едва не получил назад два мешка чужого добра.

Вместо заметки поставили объявления. Дочь учителя давала уроки арифметики; требовалась кормилица непременно из деревенских; некто продавал пианино с табуретом. «Одна ножка короче». Анна сперва вычеркнула про ножку,

а потом вернула. Человек сядет пробовать инструмент, хорошо бы ему знать.

В половине восьмого мужчина в чесучовом пиджаке положил перед ней большой сыроватый лист.

— Скажите, это завтра у всех будет?

У самого его ногтя в тоненькой рамке стояло извещение о смерти Павла Матвеевича Корнева. Прежде чем вдуматься, Анна отметила перевёрнутую букву в слове «прискорбием». Мужчина раскрыл паспорт. На указательном пальце у него остался чёрный прямоугольник от рамки.

— Я за завтраком уже лет десять газету в руки первый не беру. Старшая девочка вынимает из ящика, младшим читает. Всё дорогу думал, на каком слове поймёт.

У кассы наборщика стоял ученик Митя. Он уже сменил рабочий фартук, но рукава рубахи оставались закатанными, на левом локте багровела вмятина от края стола.

— На место извещения поставь чернила Ковригина, — сказала Анна. — Их у нас до осени оплачено.

— А у Ивана Андреевича спросить?

В кабинете редактора звонил телефон. Гость убрал паспорт, застегнул, расстегнул и опять застегнул карман.

— Ставь. Я подпишу.

Митя вытянул узкую полоску со свежим оттиском рекламы. Анна провела на прежнем листе черту поперёк рамки, приколола сверху полоску и расписалась на стыке. Это было для Корнева куда убедительнее её устного слова. Он сложил

лист вчетверо, буквами наружу, как чистый платок.

— А кто вам его принёс? — спросила она.

— У нас дома про это лучше знают.

Он ушёл по лестнице пешком, придерживая полы пиджака. В журнале Анна не записала ничего. Ей предстояло сверить три столбца цифр городской сметы. Она сунула под язык горькую вишнёвую косточку, чтобы побороть сонливость, и в двенадцатом часу отправилась домой.

Утром она купила свою газету у мальчишки на мосту. Сначала проверила цифры. Рамку внизу страницы заметила уже на другом берегу.

Буква в слове «прискорбием» стояла правильно.

2. Заказ сорок два

Жена Корнева пришла в контору с хорошей шёлковой муфтой, хотя на дворе был май. В муфте лежали мужнины очки, ключ и железный рубль. Из больницы ей всё вернули в большой наволочке. Встречаться с людьми с наволочкой в руках ей показалось неприлично.

— Три дня назад я заплатила вам за пианино. А сегодня на фабрике говорят, будто я заказала ему смерть ещё в понедельник. Напечатайте, что я этого не делала.

Её звали Софья Аркадьевна. Мужа вынули ночью из отводного канала у старой фабричной прачечной. Головой он ударился о камень, часы остановились. Точное время вдова называть отказалась.

— Там воды до колен. Я в молодости эту прачечную принимала. Выбирали место, чтоб совсем маленьких не засасывало, когда женщины полоскали.

У кассы газеты объявление числилось под номером сорок два. Принимал плату Митя: он подменял конторщика в обед, доплату за это брал обедами же. Сегодня хозяин велел ему отдать ключ от денежного ящика и посидеть дома.

— Снимала извещение я, — сказала Анна.

— А подавали его тоже вы? — спросил редактор.

Она ответила, что нет. Он постучал костяшками по пустому развороту журнала.

— Выговор вам за то, что тут чисто. Самого Корнева я видел позже, около десяти. Он велел вернуть текст, только если из семьи до печати подтвердят его смерть. Я решил, что он ждёт какого-то страшного припадка. У меня брат с больным сердцем, у него в столе конверт для газеты. Ну и что мне было его оскорблять расспросами? Через три часа явилась дочь с запиской больничного фельдшера. Мальчик снова набрал четыре строки. Я их прочёл и отдал в печать. Это можете говорить хоть на площади.

— А почему сорок второй?

— Потому вы и посидите в конторе. К завтрашним трём часам дайте четыре строки опровержения для вдовы. Пока я сам правлю полосу. Не сморите меня совсем.

Угол его стола занимал мешочек камешков: которыми прижимал бумагу. Он выбрал круглый, с белой полосой, и протянул Софье Аркадьевне, чтобы положить на неё лист для заявления. Та сперва взяла камешек просто так и положила в муфту. Он сделал вид, что именно этого и хотел.

3. Ножка

Подлинники объявлений накалывали на толстую спицу у окна. Анна сняла со спицы всё за три дня. На полу получилась узкая дорожка, вдоль которой пришлось ходить боком. К полудню она нашла обрывок: «При инструменте табурет». Под ним осталась длинная вмятина от карандаша. Про ножку было написано на следующей строке, оказавшейся по другую сторону разрыва.

В расходной тетради нашлось простое объяснение. Пианино стоило сорок копеек за четыре выхода. Когда место освободилось раньше, объявление дали на день раньше срока. Листок разорвали как уже набранный; половинка с номером осталась на спице. К нижней половине с цифрой 42 неизвестно кто подколол траурный текст. От прежнего объявления сохранилось всего три слова: «Одна ножка короче». Сверху лежала добрая половина вчерашних заказов. Распутать их, не снимая всех со спицы, было нельзя.

Анна разыскала старый оттиск полосы с пианино. Её собственный вопросительный знак ещё виднелся у ножки. Так она установила время: в среду после обеда заказ сорок два пошёл в работу с правильным текстом. В четверг извещение набирали с чужой приписки, когда Митя уже уехал за рулоном бумаги. Его подпись в накладной подтверждал ломовой извозчик; время поставил привратник у товарных ворот. В

тесной конторе все считали, что помнят, кто куда ходил. При сверке оказалось, что почти все ошибались на час.

Вдова прочла опровержение, вычеркнула «просим простить досадную ошибку» и оставила «редакция приносит извинение».

— Простить я вас ещё, может, и не прощу, — пояснила она. — А извиниться вы можете сегодня.

Редактор подписал. Митю вернули к набору. Ему хотелось узнать, сочтут ли день домашним и вычтут ли за суп. Редактор вынул из кармана двугривенный и велел ему съесть два супа, только бы тот дал покоя.

Анна уже взялась за ручку двери, когда редактор позвал Сазонова:

— Пройдите к дочери. Кто достал лист? Почему отец сперва испугался, а потом явился с другим решением? Этого я в газете не оставлю.

— Я пойду, — сказала Анна.

Оба мужчины посмотрели на неё с одинаковым, почти родственным недоумением.

— Софья Аркадьевна позвала меня к себе к четырём. Письмо с извинением она хочет дать прочесть дочери. Ей иначе сейчас надо будет впускать в дом ещё одного чужого.

Сазонов вытащил часы.

— Я с двух у доктора. Пусть идёт. Только записывайте сперва, кто что видел, потом — что об этом думает. А если и сами чего надумаете, пишите поперёк листа, чтоб в набор

ненароком не пошло.

Редактор протянул Анне ключ от маленького стола в конторе.

— До субботы он ваш. Жалованье прежнее. И верните мне, пожалуйста, камешек, если сама вспомнит. Это внук подарил.

4. Двадцать три рубля

Первой за маленький стол села женщина с узелком. Она звала Корнева просто Павлом, хотя ему было под шестьдесят. Её саму звали Феней Трошиной. Она развернула пожелтевшую бумажную выкройку рукава и разложила на столе три рубля серебром и две десятирублёвки. В каждой бумажке был тонкий прокол насквозь.

— К матрасу пристёгивала булавкой. Господи, ну до чего неудобно умирать человеку, которому задолжал! Кому теперь сдавать? Мне в мастерской сказали, он жив, всё напутали.

Анна выслушала историю о ноге, попавшей под тележку. Когда Феня уходила с фабрики семь лет назад, ей дали двадцать три рубля на проезд в деревню и на первые дни. Корнев сказал, что при случае можно вернуть; если случая не представится, пусть понапрасну не беспокоится. Эти деньги Феня считала его собственными. Через семь лет сестра оставила ей по завещанию корову, а корову у неё купил сосед, за хорошие деньги, поскольку в этом году сено дешевело.

— В банк бы их, — сказал из своего угла Митя.

— А разве касса Павла не банк?

Митя подумал, что это требует более знающего человека, и ушёл.

Анна отказалась принять деньги. Тогда Феня показала

оборот выкройки. Там Корнев записал адрес своей квартиры, и на свободной четвертушке остался целый угол штампа: «Касса товарищеской помощи при Белореченской ткацкой фабрике». Внизу фабричный счетовод расписался за пересчёт наличных. Подпись была короткая: две буквы и огромная последняя черта.

— А я думала, это выкройка, — сказала Анна.

— Так пенжак ненужный, а бумага-то зачем пропадёт? Вы тоже с другой стороны пишите, барышня, вы шибко много стали на меня бумаги тратить.

В квартиру Корневых они пошли вместе. Анна ждала торжественной встречи у парадного, а увидела, как Софья Аркадьевна в переднике короткой палкой гоняет из-под лестницы соседскую курицу. Та всю неделю неслась в корзину с чистым бельём.

— По такому случаю перестать ей нестись, что ли? — сказала хозяйка и пустила их через кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.